

человечества, и господство это продолжает и будет продолжать оказывать влияние на формирование народов». И страстное желание увидеть Афины стало бы всепоглощающим, если бы не властный образ вечного Рима, завладевший его воображением. Мы знаем, что Грегоровиус был буквально потрясен, впервые увидев Рим с высоты Капитолийского холма. Знаем мы и то, что прекрасная панорама моста через Тибр подсказала ему общий план истории города Рима. Мы можем представить себе, какие чувства обуревали его, когда Грегоровиус, которому исполнилось уже пятьдесят девять лет, устремил с вершины Акрополя взволнованный взгляд через лазурное Греческое море на видневшийся вдали Саламин. Теперь подле него более не стояла муза поэтического искусства, сопровождавшая его в первые годы изысканий по истории Рима: ее оттеснила строгая и серьезная Клио¹. За его плечами лежала жизнь, преисполненная борьбы, труда и успехов. Но он сохранил чуткую восприимчивость ко всему прекрасному и возвышенному. Грегоровиус с полным правом писал из греческой столицы своему давнему другу Тиле: «Я даже не стану пытаться передать Вам те первые впечатления, которые я испытал здесь. Акрополь свободно парит над всей человеческой цивилизацией; он кажется мне некой олимпийской сценой, которая со всеми древними божествами взяла да и перенеслась на небо. Она (в отличие от Рима) не перекрыта и не заслонена никакой позднейшей цивилизацией. Старые боги не потерпели никаких следов христианства: они и творения Фидия не пожелали иметь никаких живых связей с потомками. Поэтому вокруг Аттики после распада Эллады не сложилось никакой значимой истории. За двадцать дней, проведенных в этой сокровищнице западной культуры, я узнал и почувствовал больше, чем за такое же число лет, потраченных «над бумагами и книгами». Во мне пробудились последние слабые остатки давно утраченного жизнелюбия и жизнерадостности, когда я увидел перед собой развалины творений Фидия и постоял на насыпи на месте Элевсина или прошел под Львиными воротами в

¹ Клио — муза истории (Прим. пер.).